

реагирует наша массовая аудитория на горячий монолог Радищева, на блестящую поэтическую картину Державина.

Нет сомнения в том, что решающую роль в общем оживлении работы, в подъеме общественной значимости этой работы по изучению и пропаганде литературы XVIII в. сыграли руководящие указания вождей Партии и Советского правительства, указания центральной партийной печати, то внимание, которое прошлому русской культуры уделяет Советская власть и Коммунистическая партия. Юбилейные даты — Ломоносовские дни, Радищевские дни, — показали, с каким уважением относятся Партия и Правительство к великим деятелям XVIII в. Творческие импульсы, исходящие от центральных органов нашей страны, сообщаются работникам науки, школы, пропагандистам культуры в широких массах. И работа спорится, дает положительные результаты, несмотря на ряд отдельных ошибок, срывов, иной раз и вредных отклонений у отдельных работников.

Общий подъем научной работы в области изучения русской литературы XVIII столетия настоятельно ставит вопрос о переходе от отдельных наблюдений и собирания материалов к обобщающим концепциям. У нас в распоряжении находится много накопленных более чем полувеком фактов; наступила пора осмыслить эти факты, привести в систему накопленные богатства. Это не значит, конечно, что мы должны успокоиться на том количестве фактов и наблюдений, которые уже у нас есть; напротив, ведь, строго говоря, накопление фактов «вне концепции», впрямь, для какого-то будущего ученого, которому придется строить концепцию из этих фактов, — вещь довольно безнадежная. Никогда не бывает и не может быть так, что сначала наука собирает все факты, а затем приступает к осмыслению их. Ведь количество «фактов» вообще бесконечно; ведь беспринципное подбирание «фактов» накапливает множество материалов, ненужных для науки или мало ценных для нее; ведь только с точки зрения концепции, построения, системы самый «факт» становится фактом, т. е. приобретает значение исторического свидетельства; ведь, блуждая без концепции по неизведанным полям, мы неизбежно заблудимся и не увидим, может быть, самого главного из того материала, который мы перебираем. Поэтому именно теперь, когда предварительное развитие нашего знания о русской литературе XVIII в. позволяет нам уже подойти к построению общей концепции развития литературного процесса на данном его участке, работа по собиранию новых материалов, тщательные и даже частные разыскания не только не должны остановиться, но, напротив, должны быть всячески стимулированы и должны наполниться новым содержанием. Именно теперь для нас выясняются лакуны прежнего собирательства; мы знаем уже, что мы должны искать, куда направить поиски. Мы приобретаем новые критерии ценности материала, и иной раз невзрачный рукописный листок мало известного автора оказывается для нас «томов премногих тяжелей». Вместо фактогра-